

ОРУЖИЕ—МУЗЫКА

Каждый документ или реликвия военных лет столько вызывают в памяти воспоминаний! Картины радости и горя, разлук и ожиданий, длительной тревоги и короткого покоя...

У меня сохранился экземпляр газеты «Красный Балтийский Флот» № 112 от 9 мая 1942 года. Мы тогда еще не знали, что эта дата через три года станет самым радостным днем нашей жизни — Днем Победы!

Сохранился этот номер потому, что в нем напечатана статья старшего политрука К. Кормушенкова «С базисом и гранатой», рассказывающая о деятельности концертных бригад театра Краснознаменного Балтийского Флота в блокадном Ленинграде и на переднем крае его обороны.

Вот короткая выдержка из этой статьи:

«Мы сидим в землянке на передовой позиции. Глазкие залпы тяжелой артиллерии сотрясают воздух, слышится треск пулеметных очередей. По лесной тропинке, перепрыгивая через канавки, осторожно пробираются люди. В черных футлярах они несут себе «оружие» — музыкальные инструменты. Это артисты Краснознаменной Балтики.

...Концерт удался на славу, а после него зрители и артисты собирались вместе. Сколько сердечных отзывов, слов благодарности, солдаты просят приехать еще и еще».

Заметка К. Кормушенкова написана после концерта на Ораниенбаумском «пятачке». Это был один из пяти с полновинной тысяч концертов, которые дали бригады театра КБФ на переднем крае за время войны.

В первые дни войны командование Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского Флота приняло решение собрать под «крышу» театра артистические силы, разбросанные в результате мобилизации по разным частям. Было предложено, не прерывая работы над постановками известных пьес, в кратчайший срок создать боевой, острый и веселый концертный репертуар, чтобы артисты, разбавшись на маленькие, по 5—7 человек, бригады, двинулись на обслуживание кораблей, береговых соединений, госпиталей, мобилизационных пунктов и мест переформирования.

Базировались мы тогда в одной из школ на Большом проспекте Петроградской стороны, а потом разместились во Дворце культуры им. Ленсовета. Театр стал центром, вокруг которого объединились известные писатели, композиторы, артисты: В. Лебедев-Кумач, А. Крон, Н. Будашикин, Б. Мокроусов и другие.

«Нашей святой задачей было» придя на корабль, в землянку или просто устроившись на открытом воздухе, порой в 25—30-градусный мороз, поднимать настроение людей, дать им духовную боевую зарядку. И бойцы знали: надо будет — артист отложит баян, скрипку и пойдет вместе с ними в бой. Так было в трудные дни Ленинграда — дни конца 1941 года, когда стали морскими пехотинцами ее музыканты молодежного симфонического оркестра. И почти все они погибли в боях на Волховском направлении...

А разве забыть знаменитый концерт для гарнизона крепости «Орешек», что была расположена на более, чем в двухстах метрах от позиции фашистов, занимавших тогда Шлиссельбург. Поломали зубы враги на нашем «Орешке»! Крепость преградила путь на правый берег Невы и разрушила план окружения Ленинграда.

Гарнизон крепости состоял из матросов-батареяцев и пехотинцев. Моряки флотилии доставляли в «Орешек» четыре «сорокапятки», отремонтировали извлеченные из-под обломков две 76-миллиметровые пушки. Вот и все «тяжелое» вооружение. Но при умелом обращении оно становилось большой силой. Чуть артиллеристы обнаружат подходящую цель — поражают без промаха. И снайперы отлично охотились за вызывающимися из дотов фрицами. Даже у кока были свои снайперские точки-секреты.

В дикий злобе фашисты выпустили по крепости только за первый год войны 50 тысяч тяжелых снарядов и мин. Здесь не бывало часов молчания. Визг, свист, грохот. Пристреляли каждый метр. Над переправой, соединяющей гарнизон крепости с Большой землей, огненным пунктиром скрещиваются трассы пулеметных очередей.

И почти каждый день краснофлотцы переправлялись на наш берег, даже в белые ночи, под жесточайшим огнем, доставляя в «Орешек» и нашу концертную бригаду.

При посадке в шлюпку слышим команду старшины-рулевого, обращенную и гробам: «Васлами не очень шлепайте», и к нам: «Если шлюпку обнаружат раньше, чем проскочим сардину, накроют перекрестным огнем, — тогда не ждите команды, прыгайте в воду, течение отнесет до троса: он натянута между берегом и крепостью. Хватайтесь за трос и по нему доберайтесь до нашего «Орешка».

Идем в темноту.

С облаками и ветром наш переход согласован, конечно, не был. Вот кое-где мелькнули звезды, и вдруг в разрыве облаков показалась уже совсем не нужная луна. Она беспощадно осветила все вокруг — хоть читай! Если бы не война — залюбовались бы красотой лунной ночи на Неве.

— Нажин, братцы! Вперед, еще вперед! — сдерживая голос, кричит рулевой.

И тотчас — два перекрестных трассирующих пунктира. Красиво. Но — поздно. Мы уже вне зоны огня, под прикрытием «репостных» стен.

Шлюпка ткнулась в берег. Нас встречали не... аплодисментами, а хватали за шиворот и бегом тащили в укрытие.

— Сейчас минами закидают! И закидали, навесным залпом по берегу.

Но мы уже сидели в укрытии, приходили в себя, знакомились с капитаном Петром Никитичем Кочаненковым и младшим политруком Алешей Морозовым.

...Несколько незабываемых дней мы прожили с бойцами этого героического гарнизона, ставшего дружной семьей.

Узнали, как в один из дней, решив покончить с защитниками крепости, фашисты подвергли бастион пятичасовой бомбардировке. 248 тяжелых снарядов и около 1.000 мин и снарядов мелкого калибра обрушились на крепость. А в казематах под две мандолины и гитару в то время открылся вечер краснофлотской самодеятельности. Сильная гула канонады гремела матросское «Яблочко». Когда же дозорные сообщили сверху о начавшемся пожаре, моряки выскочили наверх, потушили пламя и снова вернулись для продолжения концерта.

А встречи с бойцами Ладожской военной флотилии! Однажды шли на катере вслепую к Кронштадту. Проходит час, полтора, а земли все нет. Скоро моторист заглушил мотор. Заблудились. Так недолго и в немецкий барак ткнулись!

Становимся на якорь. Идет снег. В довершение всего началась мертвая зыбь. Только к полуночи снегопад внезапно прекратился. Но тыма кругом — хоть глаз коли. Где мы — никому неведомо. И вот едени мигнул огонек. Это искали нас с форта «О».

Идем на сигнал, который периодически повторяется. Не знаю, сколько времени мы так шли, но вдруг два острых луча прожекторов отсекают нас справа и слева. Теперь все. Или спасены, или попались. Когда до берега осталось немного, услышали негромкое «ура». И через несколько минут увидели на причале толпу матросов во главе с командиром флота Михаилом Ивановичем Алексеевым. Кажется, это был уже третий час ночи. Но никто на форт не спал. Узнали, что артисты в Кронштадт не прибыли, и заволокалились. А вдруг катер перехватили!

— Теперь, пока надежного пути не будет, с форта не отпущу, — сказал Михаил Иванович.

На утро мороз схватил поверхность воды — и мы пешком, ни на катере! Так и задержались мы в гостях более 20 дней. А ушли уже по крепкому льду.

Зато моряки форта «О» каждый вечер смотрели новую концертную программу.

Может быть, искусство наше было не очень-то совершенно. Но искусство в любой его форме, даже представленное маленькими артистическими бригадами, доказывало, что жизнь советских людей и в кольце осады, даже на грани голодной смерти продолжается, что великий советский народ не превратился в «пещерного жителя».

И сегодня многие из тех военных артистов, что тогда с базисом и гранатой шагали по дорогам войны, продолжают плодотворно трудиться в искусстве. Имена Л. Макаровой, Н. Трофимова, И. Дмитриева, А. Трусова, Вл. Иванова, А. Минха хорошо знают любители театра и кино. На эстраде и теперь мы встречаем артистов Е. Каретникову, М. Курдина, Г. Орлова. И их боевым трудом добывалась победа.

М. ПЯРН,

бывший старшина 1-й статьи, заслуженный артист Латвийской ССР, режиссер латвийского телевидения.